

— Пробираюсь вдоль забора, и вдруг слышу голоса; один голос я тотчас узнаю: это был повеса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. «О чемъ они тутъ толкуютъ?» подумалъ я: «ужь не о моей ли лошади?» Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ савки, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— Славная у тебя лошадь! говорилъ Азаматъ: если бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!

— А! Казбичъ!—подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

— Да, отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія: въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ—это было за Тереконъ—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; ужь я слышалъ за собою крики гяуровъ и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилежъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острые колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагага били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ цѣпи, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я уже слышалъ, какъ сплывшіеся казаки бѣжали по сѣдамъ... Вдругъ передо мною рывина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не спустился меня искать: они вѣрно думали, что я убитъ до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу—смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаетъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагѣзъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинута ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновений поднимаю ихъ—и вижу, мой Карагѣзъ летитъ, развивая хвостъ, вольный, какъ вѣтеръ: а гяуры далеко одинъ

за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракъ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагѣза, это былъ онъ, мой товарищъ!.. Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.

— И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разные нѣжныя названья.

— Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, сказалъ Азаматъ: то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагѣза.

— Искъ, не хочу, отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

— Послушай, Казбичъ, говорилъ, ласкаясь къ нему Азаматъ:—ты добрый человекъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы: отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что ты хочешь; украду для тебя у отца лучшую виговку, или шапку, что только пожелаешь—а шапка его—настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ ругѣ, сама въ тѣло вопьется; а кольчуга такая, какъ твои, ни почемъ.

— Казбичъ молчалъ.

— Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня, продолжалъ Азаматъ, когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая поздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылѣло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой, съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!—сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

— Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

— Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что-то вроде смѣха.

— Послушай, сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ: видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! не бывало такой жены и у гурецкаго падишаха... Хочешь? Дождись меня